

ДИСКУССИЯ:

ЭФФЕКТИВЕН ЛИ В НАУКЕ МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД?

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.2.12

EDN: NJEKLP

ЧЕТЫРЕ СЛАГАЕМЫХ МОБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

**Юревич
Андрей Владиславович¹**

¹ Институт психологии РАН,
Москва, Россия

Для цитирования: Юревич А. В. Четыре слагаемых мобилизации российской науки // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 2. С. 157–165. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.12. EDN NJEKLP.

АННОТАЦИЯ

Рассматривается переход российской науки к мобилизационному сценарию развития. Приводятся данные опроса, демонстрирующие, что этот переход вызывает у большей части российского научного сообщества позитивное отношение. Данный довольно парадоксальный факт автор объясняет двумя причинами. Во-первых, тем, что учёные устали от пребывания отечественной науки в состоянии российской «нирваны», когда работа в режиме «ни шатко, ни валко», на достаточно низком уровне своих возможностей, возведена в норму. Во-вторых, они понимают, что в нынешних условиях Россию выручает в основном наличие у неё ядерного оружия, созданного во времена мобилизации отечественной науки. Мобилизационный сценарий развития российской науки рассматривается как включающий четыре основных составляющих: 1) более жёсткий контроль (со стороны государства) разрабатываемой проблематики, 2) оптимизация кадрового состава науки, 3) изменение (меритократической) формы её организации, 4) интенсификация научного труда. Ставится вопрос о том, какую часть отечественной науки целесообразно подвергнуть мобилизации. Автор считает, что мобилизация всего нашего научного организма была бы излишеством, однако некоторые его элементы – избавление от «мёртвых душ», интенсификация научного труда и т. д. – стоит осуществить применительно ко всей отечественной науке. Рассматриваются также риски, возникающие перед российской наукой в условиях её мобилизации: деинтернационализация, снижение международных инвестиций и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

российская наука, мобилизационный сценарий, учёные, организация, интенсификация научного труда

Слово «мобилизация» и его производные, вызывающее содрогание у значительной части российского населения, нашими учёными воспринимается спокойнее. Оно начинает использоваться применительно к отечественной экономике [1], а в самое последнее время, в связи с украинскими событиями, речь заходит и о мобилизационном сценарии российской науки. Опрос, осуществлённый А. Б. Гусевым и М. А. Юревичем, показал, что на прямой вопрос о необходимости её перевода в мобилизационный режим 51,5% опрошенных отечественных исследователей ответили положительно, хотя и разошлись во мнении о срочности такого перехода [2]. То, что «в стране должна произойти научно-техническая мобилизация»¹, признают и руководители российской науки. У достаточно охотного принятия отечественным научным сообществом мобилизационного сценария имеются как минимум две причины. Во-первых, многим учёным опостылела картина российской науки как находящейся в постоянной «нирване»: учёные имеют заработки, и необязательно профильные, «на стороне», в науке множество случайных людей, значительная часть которых не может похвастаться высоким IQ, учёные работают «ни шатко ни валко», не слишком ценя свое рабочее время, и т. д. Во-вторых, они видят на примере последних событий, что Россию спасает главным образом наличие у неё ядерного оружия, созданного именно во времена мобилизации отечественной науки. В конкретных случаях наблюдаются и другие причины популярности мобилизационного сценария, придающие лишь индивидуальную окраску двум основным.

Естественно, различные учёные по-разному понимают мобилизационный сценарий российской науки. А. Б. Гусев описывает контуры такого понимания, сводя его к «такому управлению научно-техническим потенциалом и распределению ресурсов, при которых форсированным образом должны решаться первостепенные научные, научно-технические задачи государственного значения, в том числе в целях ускоренного импортозамещения технологий и техники»².

Развивая это понимание, мобилизационный сценарий науки можно трактовать как складывающийся главным образом из четырёх составляющих: 1) более жёсткого контроля (со стороны государства) разрабатываемой проблематики, 2) оптимизации кадрового состава науки, 3) изменении (меритократической) формы её организации, 4) интенсификации научного труда.

ПОВЫШЕНИЕ ЖЁСТКОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НАД ТЕМАТИКОЙ

Сейчас в нашей науке, особенно в социогуманитарной, одним из главных факторов формирования тематики является взаимодействие аспиранта и его научного руководителя. Аспирант часто сам выбирает свою тему, либо

¹ Учёным объявили научную мобилизацию: президент РАН рассказал о противодействии санкциям // МК.RU: [сайт]. URL: <https://www.mk.ru/science/2022/03/20/uchenym-obyavili-mobilizaciyu-prezident-ran-rasskazal-ospasenii-nauki-ot-sankciy.html> (дата обращения: 18.02.2023).

² Гусев А. Каков мобилизационный резерв российской науки // Независимая газета: [сайт]. 11.10.2022. URL: https://www.ng.ru/nauka/2022-10-11/9_8562_reserve.html (дата обращения: 15.02.2023).

продолжая ту тематическую традицию, которая сложилась у него в вузе, либо вообще опирается неизвестно на что. Либеральный руководитель не вмешивается в аспирантский выбор; его антипод – авторитарный руководитель – навязывает свою тему, исходя главным образом из своих личных интересов. Эта тенденция усугубляется тем, что госзаказ научным институтам формируют ... сами научные институты³. В итоге тематическая карта нашей науки выражает что угодно, но не объективную потребность в изучении определённых тем. Сами учёные прекрасно это осознают: ненужность своей тематики в разной степени рефлексируют представители гуманитарных наук (49,7%), естественных наук (41,7%), медицинских наук (34,3%), общественных наук (28%), технических и сельскохозяйственных наук – по 19% [2]. «Таким образом, – пишет А. Б. Гусев, – мобилизация науки должна привести к глубокому содержательному переформатированию научной повестки страны»⁴. И в этом видит «один терапевтический эффект СВО».

В нынешних условиях, когда «усилился запрос на государственную идеологию и целеполагание в научно–технической сфере, эффективное управление ею»⁵, подобная предельная либерализация уже не представляется возможной. Это, естественно, не означает, что, например, весь Институт психологии РАН должен заниматься психологией войны или какой-либо подобной темой, но свидетельствует о необходимости усиления государственного начала в формировании проблематики.

Разумеется, в этом случае предельно возрастает нагрузка на органы управления наукой, диктующие научную проблематику. Они должны состоять из людей, прекрасно разбирающихся в ней, т. е. из самих учёных, а не из «менеджеров современного типа» (выражение, очень популярное в 90–е годы).

Образ науки как удовлетворения личного любопытства за государственный счёт должен отойти у нас в прошлое. Мобилизованная наука очень прагматична, и организующим началом её прагматичности служат интересы противостоящего Западу государства.

ОПТИМИЗАЦИЯ КАДРОВОГО СОСТАВА НАУКИ

Слово «оптимизация» негативно воспринимается основной частью нашего общества, привыкшего к тому, что оно употребляется как синоним сокращений. И в данном случае это действительно так.

Оптимизация кадрового состава науки предполагает «отжимание» из неё трёх основных категорий сотрудников. Во-первых, тех, кто, говоря психологическим языком, имеет невысокий IQ, то есть, на более привычном языке, дураков. Этому препятствует наш российский (советский) гуманизм: как можно уволить человека, который хотя и не блещет способностями, имеет трёх маленьких детей, больную жену и т. д.? Действительно, это сделать

³ Учёным объявили научную мобилизацию: президент РАН рассказал о противодействии санкциям // МК.RU: [сайт]. 20.03.2022. URL: <https://www.mk.ru/science/2022/03/20/uchenym-obyavili-mobilizaciyu-prezident-ran-rasskazal-o-spasenii-nauki-ot-sankciy.html> (дата обращения: 18.02.2023).

⁴ Гусев А. Каков мобилизационный резерв российской науки // Независимая газета: [сайт]. 11.10.2022. URL: https://www.ng.ru/nauka/2022-10-11/9_8562_reserve.html (дата обращения: 15.02.2023).

⁵ Там же.

трудно, но всё зависит от того, насколько жёсткой окажется мобилизация нашей науки.

Во-вторых, она предполагает избавление от людей с двойной, тройной и т. д., причём непрофильной занятостью. Девяностые годы «убывающей» российской науки, когда убывало в ней всё – отпущенные на неё деньги, люди, идеи [3] – приучили нас к тому, что учёный для того, чтобы прокормить себя и свою семью, должен заниматься чем-то ещё, а на базе отечественных НИИ произрастали какие угодно организации. От 50% до 75% наших научных сотрудников имели заработки за пределами науки, двойная занятость среди них была распространена примерно в 3 раза чаще, чем среди российского населения в целом [4], благо учёные сохранили основное преимущество научной карьеры – большое количество свободного времени, на один наш вуз в среднем приходилось около десяти коммерческих структур, созданных на его основе [5]. А вот характеристика образа жизни наших учёных того времени: «Не увольняясь с основного места работы, многие научные сотрудники преподают в вузах и школах, занимаются консультативной деятельностью в коммерческих структурах, переводами с иностранных языков и на них, издательской деятельностью, а то и просто строят дачи, ремонтируют квартиры, подрабатывают извозом на собственных машинах и прочими делами» [6, с. 148]. Сейчас ещё сохраняются рецидивы этой ситуации, и мобилизация науки требует отсечения всего лишнего, в частности, людей, которые не могут или не хотят посвящать всё своё рабочее время науке.

В-третьих, мобилизация науки требует исключения ленивых людей, которые работают «ни шатко ни валко», занимаются на рабочих местах в основном чаепитием и настольными играми. Избавляться от них, может быть, особенно нелегко в тех случаях, когда ленивый человек наделён недюжинными способностями, но опять же всё зависит от того, какую жёсткость обретёт мобилизационный сценарий.

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАУКИ

В «спокойной» российской науке, организацию которой можно назвать «меритократической», всё определяется прошлыми заслугами учёного – его зарплата, занимаемая им должность, членство в различных научных организациях и т. д. Регулярно начинаются (и кончаются) разговоры о том, что это несправедливо и идёт во вред эффективности науки, но «воз и ныне там», – возможно, потому, что решающее слово принадлежит возрастным учёным, основные заслуги которых – в прошлом. Наверное, это по-своему удобно и кому-то комфортно, но если бы так были организованы взаимоотношения И. В. Курчатова с коллегами, мы бы ещё не скоро получили ядерное оружие, если бы получили его вообще.

Как должна быть организована наука при ориентации на её эффективность? Было бы ошибкой отменять учёные степени и вообще «рубить с плеча», как привыкли делать наши т. н. реформаторы. Однако системе оплаты научного труда надлежит быть не «меритократической», а гибкой, отражающей его текущую результативность. По крайней мере, раз в год она должна

устанавливаться снова – руководителем научного коллектива или неким коллегиальным органом – по результатам работы за этот год, а не в далёком прошлом.

Более гибкой следует быть и тематической структуре отечественной науки. Есть в ней люди, которые всю жизнь занимаются одной темой, причём достаточно узкой. Было бы опрометчивым избавляться от таких людей – среди них тоже есть серьёзные исследователи, которые нужны науке. Но мобилизованная наука предполагает более жёсткий государственный контроль над изучаемой тематикой, и темы, входящие в государственные приоритеты, должны иметь первостепенное финансирование.

То же самое относится к тематике научных подразделений. Она должна формироваться не «снизу» – путём сложения индивидуальных тем, а «сверху» – выделением в спущенной государством теме её отдельных и тоже одобренных государством аспектов.

Есть множество и других организационных компонентов мобилизационного сценария, которые проступят при его осуществлении.

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ НАУЧНОГО ТРУДА

Эта проблема, конечно, во многом упирается в личность руководителя научного подразделения: при «мягком» руководителе преобладает советский гуманизм и научное учреждение живёт в ритме «нирваны». Наверное, поэтому личности легендарных советских учёных, прочно вошедших в историю науки, не лишены диктаторских качеств, не слишком хорошо воспринимаемых подшефными им учёными, но идущими на пользу эффективности руководимых ими подразделений.

В то же время проблема шире и многограннее, включая проблематику мотивации научного труда. Не вдаваясь в данном контексте в специфику мотивации учёных, отметим, что свободный, а не организованный в «шарашках» их труд имеет два типа мотивов: моральные и материальные. Моральные мотивы связаны с пониманием учёным актуальности решаемых им задач, приоритетом и т. д., материальные – главным образом с его оплатой. Естественно, ключевой вопрос в данном плане – общее количество денег в стране и, стало быть, на науку. Строить прогнозы относительно их общего количества – дело неблагодарное, а насчёт их количества на науку отметим, что оно восполнимо за счёт указанных выше мер – её избавления от «мёртвых душ» и т. д.

Но как потратить освободившиеся ресурсы? Существующий в настоящее время способ оплаты основан на меритократии и стимуляции публикационной активности учёных, причём второе обстоятельство позволяет его сторонникам, среди которых в основном министерские чиновники, говорить, что учёным платят деньги за их труд. Платить главным образом за научные публикации, в соответствии с наукометрическими индексами и т. д., уместно в «открытой», не мобилизованной науке. В мобилизованной же главный фокус материальной поддержки смещается: она более закрыта по определению. И распределение средств в ней осуществляется не на основе находящихся в открытой печати научных публикаций, а, во-первых, в более частом режиме,

скажем, раз в год, во-вторых, руководителями научных подразделений или, в случае сохранения в нашем обществе умеренно демократических традиций, их коллективами, которые, избавленные описанными выше мерами от бездарей и бездельников, не будут принимать решения в их пользу.

Естественно, возникает вопрос о том, какую часть российской науки целесообразно переводить на мобилизационную модель развития. Конечно, перевод на неё, скажем, филологии выглядит перегибом, хотя и для неё при желании можно сформулировать оборонные задачи. Вместе с тем отдельные элементы мобилизационной модели – избавление науки от «мёртвых душ», интенсификация научного труда и т. д. – могут иметь достаточно универсальное применение. Скорее всего, здесь применима формула «мобилизации науки много не бывает», если её, конечно, правильно понимать.

Реализация мобилизационного сценария предполагает определённые риски и потери. В зоне риска находится отечественная социогуманитарная наука, которая вновь, как в советские годы, подвергается опасности идеологизации. Известно, какой вред идеологизация наносит науке [7 и др.]. И отечественным социогуманитарным дисциплинам предстоит пройти путь между Сциллой противостояния Западу и Харибдой её чрезмерной идеологизации.

Неизбежными потерями в финансировании научных работ обернётся сворачивание интернациональных исследований в России, которое наступает уже сейчас. В 1990-е годы трудовые договоры с нашей наукой имели такие зарубежные корпорации и фирмы, как Ford Motor, General Electric, United Technologies, AT&T Bell Laboratories, Sun Microsystems и др., на американские организации работало около 10 тыс. учёных, живущих в России, и около 20 тыс. – на Евросоюз [8], что послужило основанием заговорить об «электронной утечке умов» из российской науки [9].

Другой опасностью является сокращение международного научного сотрудничества, которое служит характерным признаком науки конца XX – начала XXI века [9]. В 1990-е годы приводились данные о том, что примерно треть наших статей публиковались за рубежом [10], что говорило об интеграции в мировую науку значительной части российского научного сообщества. Опрос, проведённый в 2000-е годы, показал, что 76% отечественных учёных публиковались за рубежом, а 17% делали это достаточно часто [11]. Аналогичные данные получил ЦИСН, показавший, что 78% обследованных им руководителей российских научных организаций отметили наличие публикаций их сотрудников в западных реферируемых научных журналах в последние два года [12]. Россия находилась среди лидеров по динамике роста научной продукции, подготовленной международными авторскими коллективами⁶. По данным опроса, 39% российских учёных участвовали в международных программах и проектах [11], перестав «вариться в собственном соку», как это было во многом характерно для советской науки. В условиях исчезновения или, по крайней мере, сокращения масштабов всего этого лучшим вариантом было бы, наверное, возвращение к организации российской науки в виде «стекла с односторонней прозрачностью», когда мы видим и знаем всё,

⁶ Science and Engineering Indicators, 2004 // National Science Foundation: [сайт]. URL: www.nsf.gov (дата обращения: 17.06.2003).

что происходит в западной науке, а она не видит и не знает происходящего в нашей. Впрочем, нельзя недооценивать то, что учёные являются в большинстве современных стран одним из самых аполитичных слоев населения, и власти очень непросто транслировать им свои установки. Соответственно, отношение западных учёных к их российским коллегам может существенно отличаться от государственных установок, задаваемых политиками.

Есть надежды на то, что мобилизационный сценарий российской науки позволит ей преодолеть или, по крайней мере, смягчить её главные недостатки – отсутствие модели современной научно-исследовательской организации и модели национальной научной системы, архаичность, несовременность дисциплинарной структуры [13] и др. Впрочем, есть опасность и усугубления этих недостатков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пандемия 2020. Экономический кризис в России. Что надо делать / Р. И. Нигматулин, Б. И. Нигматулин, А. Г. Аганбегян, М. Д. Абрамов, В. А. Кашин. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2020. 32 с.
2. Гусев А. Б. Научная политика России – 2022: Профессия не дороже Родины (по результатам социологического исследования, апрель–май 2022 г.) / А. Б. Гусев, М. А. Юревич. М. : Перо, 2022.
3. Юревич А. В. Нужны ли России учёные? / А. В. Юревич, И. П. Цапенко. М. : УРСС, 2001.
4. Голов А. А. Наука и научные работники в сегодняшней России // Информационный бюллетень мониторинга. 1996. № 1. С. 20–28.
5. Юревич А. В. Умные, но бедные учёные в современной России. М. : Московский общественный научный фонд, 1998. 201 с.
6. Авдулов А. Н. Структура и динамика научно–технического потенциала России / А. Н. Авдулов, А. М. Кулькин. М. : Эдиториал УРСС, 1996. 320 с.
7. Семёнов Е. В. Явь и грёзы российской науки. М. : Наука, 1996. 480 с.
8. Наука в России: современное состояние и стратегии возрождения. М. : Логос, 2004. 376 с.
9. Юревич А. В. Наука в современном российском обществе / А. В. Юревич, И. П. Цапенко. М. : Институт психологии РАН, 2010. 334 с.
10. Арапов М. Наука и информация // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 167–180.
11. Юревич А. В. Глобализационные процессы в современной российской науке / А. В. Юревич, И. П. Цапенко // Российский химический журнал. 2007. Т. 11, № 3. С. 91–98. EDN IAMIFB.
12. Научные организации в условиях реформирования государственного сектора исследований и разработок: результаты социологического исследования. М. : Транскрипт, 2007.
13. Семёнов Е. В. О необходимости переориентации научно–технологической политики с производства показателей на решение реальных проблем // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 2, ч. 1. С. 11–32. URL: <https://ideaidealy.nsuem.ru/storage/uploads/2021/06/01.Semenov.11-32.pdf>. EDN MCJMNT.

Статья поступила в редакцию 09.03.2023.

Одобрена после рецензирования 30.05.2023. Принята к публикации 02.06.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Юревич Андрей Владиславович av.yurevich@mail.ru

Доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора, Институт психологии РАН, Москва, Россия

AuthorID РИНЦ: 1353

DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.12

FOUR COMPONENTS OF THE MOBILIZATION OF THE RUSSIAN SCIENCES

Andrey V. Yurevich¹

¹ Institute of Psychology of the RAS, Moscow, Russia

For citation: Yurevich, A. V. (2023). Four Components of the Mobilization of the Russian Sciences. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 5, no. 2. P. 157–165. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.12.

Abstract. The transition of Russian science to the mobilization scenario of development is considered. The survey data are presented, demonstrating that this transition causes a positive attitude among the majority of the Russian scientific community. The author explains this rather paradoxical fact with two reasons. Firstly, by the fact that scientists are tired of the Russian science being in a state of Russian “nirvana”, when work in the “not shaky, not shaky” mode, at a sufficiently low level of its capabilities, has been raised to normal. Secondly, they understand that in the current conditions, Russia is mainly rescued by the presence of nuclear weapons created during the mobilization of domestic science. The mobilization scenario of the development of Russian science is considered as including four main components: 1) stricter control (by the state) of the issues being developed, 2) optimization of the staff of science, 3) change in the (meritocratic) form of its organization, 4) intensification of scientific work. The question is raised about which part of the national science it is advisable to mobilize. The author believes that the mobilization of our entire scientific organism would be an excess, but some of its elements – the liberation from “dead souls”, the intensification of scientific work, etc., should be carried out in relation to our entire science. The risks facing Russian science in the conditions of its mobilization are also considered: de-internationalization, reduction of international investments, etc.

Keywords: Russian science, mobilization scenario, scientists, organization, intensification of scientific work

REFERENCES

1. Nigmatulin, R. I., Nigmatulin, B. I., Aganbegyan, A. G. [et al.]. (2020). *Pandemiya 2020. Ekonomicheskii krizis v Rossii. Chto nado delat'* [Pandemic 2020. The economic crisis in Russia. What to do]. Moscow: Geotar-Media. 32 p. (In Russ.).

2. Gusev, A. B. and Yurevich, M. A. (2022). *Nauchnaya politika Rossii – 2022: professiya ne dorozhe Rodiny* [Science Policy of Russia – 2022: Profession is not dearer than Motherland]. Moscow: Pero Publishing House. 64 p. (In Russ.).
3. Yurevich, A. V. and Tsapenko, I. P. (2021). *Nuzhny li Rossii uchentye?* [Does Russia need scientists?]. Moscow: URSS. (In Russ.).
4. Golov, A. A. (1996). Nauka i nauchnye rabotniki v segodnyashnei Rossii [Science and scientists in today's Russia]. *Informatsionnyi byulleten' monitoringa*. No. 1. P. 20–28. (In Russ.).
5. Yurevich, A. V. (1998). *Umnye, no bednye uchentye v sovremennoi Rossii* [Smart, but poor scientists in modern Russia]. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond. 201 p. (In Russ.).
6. Avdulov, A. N. and Kul'kin, A. M. (1996). *Struktura i dinamika nauchno–tekhnicheskogo potentsiala Rossii* [Structure and dynamics of Russia's scientific and technical potential]. Moscow: Editorial URSS. 320 p. (In Russ.).
7. Semenov, E. V. (1996). *Yav' i grezy rossiiskoi nauki* [Reality and dreams of Russian science]. Moscow: Nauka. 480 p. (In Russ.).
8. *Nauka v Rossii: sovremennoe sostoyanie i strategii vozrozhdeniya* [Science in Russia: the current state and strategies of revival]. (2004). Moscow: Logos. 376 p. (In Russ.).
9. Yurevich, A. V. and Tsapenko, I. P. (2010). *Nauka v sovremennom rossiiskom obshchestve* [Science in Modern Russian Society]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS. 334 p. (In Russ.).
10. Arapov, M. (2002). Nauka i informatsiya [Science and information]. *Otechestvennye zapiski*. No. 7. P. 167–180. (In Russ.).
11. Yurevich, A. V. and Tsapenko, I. P. (2007). Globalizatsionnye protsessy v sovremennoi rossiiskoi nauke [Globalization processes in Modern Russian Science]. *Rossiiskii khimicheskii zhurnal*. Vol. 11, no. 3. P. 91–98. (In Russ.).
12. *Nauchnye organizatsii v usloviyakh reformirovaniya gosudarstvennogo sektora issledovaniy i razrabotok: rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniya* [Scientific organizations in the context of reforming the public sector of research and development: results of a sociological study]. (2007). Moscow: Transkript. (In Russ.).
13. Semenov, E. V. (2021). On the Necessity to Reorient Scientific and Technological Policy from the Production of Indicators to Solving Actual Problems. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. Vol. 13, no. 2, pt. 1. P. 11–32. URL: <https://ideaidealy.nsuem.ru/storage/uploads/2021/06/01.Semenov.11-32.pdf>. (In Russ.).

The article was submitted on 09.03.2023.

Approved after reviewing 30.05.2023. Accepted for publication 02.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yurevich Andrey av.yurevich@mail.ru

Doctor of Psychological Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director, Institute of Psychology of the RAS, Moscow, Russia

AuthorID RSCI: 1353